

УТРЕННИЙ НАМАЗ

А. Ш.

Не шуми, цветущая яблоня,
не роняй розовых аистят,
рождённых умереть на закате.

Не пляшите, журавли, в небе,
спрячьтесь у меня за пазухой.

Не стучи, грачонок, о скорлупу,
ведь всюду слышно.

Тише, ради бога, тише!

На пороге моей скромной хижиньки
любимая расчёсывает волосы,
словно играет
на золотистострунной арфе.

МУЗА

Перо и мысли
на заре сошлись.

Дитя карнизов городских,
я вспомнил о кипчакских саблях,
девятихвостом знамени монголов
и о Чингиза красной бороде.

Молчала моя муза.

Я загрустил
об уходящем времени кочевий,
арканов,
юрт
и запаха овчин.

Молчала моя муза.

И я воспел в отчаянье
паренье крыш, чердачных голубятен,
мелодию трамвайных проводов,
весну и осень человека.
Тут муза из угла отозвалась

звучаньем старой потемневшей скрипки.
А водосточная труба
вдруг распустилась белыми цветами.

* * *

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощёким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его.

Меня обступили со всех сторон
лошади, цветы, дети.
И немым тысячецветным взглядом
просят не прерывать моего занятия.

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощёким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его...

И нет времени слёзы вытеретьь.

* * *

Послушайте, люди,
не одолжит ли мне кто
четыре потёртых копейки
для права сесть безбоязненно в троллейбус?
Всё дело, видите ли, в том,
что я — поэт,
служитель скромный
деревенской музыки.

У меня, представляете, была куча денег,
вырученных от продажи
личной сентиментальной коровы.

Но я, попав впервые

в шумную столицу,

совершенно растерялся
перед лицом

многоликого соблазна.

Теперь в моих пустующих карманах
печальной элегией остались
лишь звон былых

серебряных форелей,

шуршанье крыл

былых бумажных птиц.

Но за ремнём, на голом животе,
классическая греется поэма,
и ею я рассчитываю

нокаутировать

редактора солидного журнала,
куда я так сейчас спешу.

Они мне непременно тут же
громадный выдадут аванс.

На часть его себе куплю машину
и возвращусь в родимое село.

Эй-эй, постойте, лысый гражданин!

Вы выходили только что из бара,
бьюсь об заклад, в душе вы филантроп.

Ну что вам стоит одолжить мне
четыре медные чешуйки...

Зато, когда я стану знаменитым,
вам будет, право, страшно лестно
припомнать давнишнюю услугу.

И я, клянусь поэмой,

посвящу вам

Свой трогательный самый мадригал.

...Вы предлагаете

проехать мне зайцем?

Иль оседлать Пегаса моего?

Банальность — ваш порок.

Честность — единственная моя медаль,
и Пегас — не ассенизационная кобыла!

Послушайте, люди,
не одолжит ли мне кто
четыре потёртых копейки?..

* * *

О, родина,
лишь гляну на тебя —
моя песня умолкает смущённо.

ДЕВОЧКА, РИСОВАВШАЯ ЗВЁЗДЫ

Заурядные люди невезучи.
Жизнь и со мной здоровалась
в ежовых рукавицах.
Будь знаменитым,
я вам показал бы
неистребимые рубцы от крапивы
на своих ягодицах.
Или глубокую вмятину в сердце —
словно на него наехала
скрипучая телега с пустыми корзинами
и угрюмым дедом на облучке.
Но на смертном одре
я вспомню не рябоватого верзилу
с пучком крапивы,
не ту смугленькую девушку,
которая умела свистеть по-мальчишечьи
и разбивать мужские сердца.
В последний миг,
который ещё урву у жизни,
я вспомню крохотную
русскую девочку,
которая рисовала на асфальте

красные пятиконечные звёзды
и с детской простотой
обозвала меня «хунвэйбином».

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Упали первые капли,
и улица
распустилась цветами:
пёстрые женские зонтики
по тротуарам плывут,
как по осенней канаве
опавшие лепестки.

ФОТОГРАФИЯ

— Дети, — сказал фотограф, —
смотрите сюда, не мигая,
из этой дырочки круглой
вылетит птичка сейчас.
Дети старательно ждали,
но птичка не вылетала.
Годы прошли и войны,
фотограф-обманщик умер,
а дети глядят со стенки:
где же всё-таки птичка?

* * *

Ночь напролёт до самого рассвета
бродил я по аллеям, размышляя
о глубочайших тайнах бытия.
— Что потерял? —
спросила дворничиха.

* * *

Нелёгкая, трудная служба
у всех телеграфных столбов.
Ведь они держат на плечах
не только тяжесть проводов,
но и бегущие по ним
человеческие мысли,
которые не впустую сказаны,
а значит, имеют вес.

Оттого-то эти столбы
так и не смогли разветвиться
в горделивые цветущие деревья.

* * *

«Умереть бы в седле
со стрелою под сердцем,
как истый бурят!»
...Ах, опять размечтался,
немогущий интеллигент.

ЖИЗНЬ

Чуть слышно, как обиженный ребёнок,
вздохнуло сердце
и... остановилось.

Где мудрый старый часовщик
с волшебной лупою на лбу?

Лишь ветра свист в пустынном переулке
и крик грудной, надрывный за углом:
«Эй, пирожки горячие кому?»